

Глава 9. Смятение из-за стихов

В саду временного дворца принцессы Тан царило умиротворение. Мёки лениво полулежала, прислонившись к резным перилам беседки у самой воды. В тонких пальцах она рассеянно вертела свиток из плотной дорогой бумаги, исписанный изящной каллиграфией. Она рассеянно смотрела на водную гладь, точно уносясь мыслями далеко отсюда.

— Что-то тревожит вас, принцесса? Неужто этот Абэ-но Сэймэй снова посмел вас разгневать?

К беседке неторопливо подошла служанка в белом одеянии китайского покроя. Это была Байфэн.

— Вовсе нет. Я просто немного устала, — Мёки мягко улыбнулась и выпрямилась, отрываясь от перил.

— Как же! — фыркнула Байфэн. — Стоило принести письмо от Абэ-но Сэймэя, как вы тут же помрачнели. Наверняка этот наглец снова написал что-то дерзкое.

— Ах, Байфэн, вечно ты горячишься без меры, — покачала головой принцесса Мёки. — Тебе бы поучиться у Цинлуань и проводить больше времени за чтением мудрых книг.

— Помилуйте, госпожа! Я ведь не Цинлуань, у меня от одного вида ваших свитков голова кругом идет, — шутливо взмолилась Байфэн.

— Неужели сестра Байфэн решила меня похвалить? — раздался тихий, певучий голос.

Из-за бамбуковых зарослей показалась еще одна служанка, облаченная в синие китайские шелка. В руках она бережно несла изящную чайную утварь. Это была Цинлуань.

— Прошу вас, принцесса, отведайте свежего чая, — Цинлуань почтительно опустила на колени перед хозяйкой.

— Чай?.. — Мёки приняла из её рук чашку и сделала крошечный глоток. Она едва заметно и горько усмехнулась. — Какая ирония. Абэ-но Сэймэй сложил песню о чае, но на самом деле этим жестом он отверг мое расположение.

— Песню? — удивленно приподняла брови Цинлуань. — Господин Сэймэй прислал вам песню? И что же он написал?

— Да уж наверняка ничего приятного, — сердито пробурчала Байфэн. — Наша госпожа расстроилась, едва развернув послание.

— Ну полно тебе, — негромко рассмеялась принцесса Мёки. — Слог у него безупречен. И признаться... этот Сэймэй интригует меня всё сильнее.

Цинлуань осторожно взяла из пальцев принцессы свиток и негромко, напевно прочитала записанные там строки:

— Густ аромат у чая, но водой разбавляют его. Воды прибудет — вкус станет пресен, негоже дружбу мерить столь малой ценой. Мой же друг подобен вину: чем старее, тем гуще настой. Истинный друг — это верный, проверенный старый товарищ, и к чему при встрече вести счет ушедшим годам?

— И что всё это значит? — недоуменно нахмурилась Байфэн.

— Всё просто, — мягко пояснила Цинлуань. — Чай хорош и душист, но с каждой новой чашкой, куда подливают воду, он теряет свой вкус и становится пресным. Настоящая дружба не должна уподобляться чаю. Она подобна благородному старому вину: чем дольше его хранишь, тем глубже и богаче становится его аромат.

— Но зачем он прислал это принцессе? — всё ещё не понимала Байфэн.

— Он хотел сказать, что моя скромная персона для него — лишь этот ароматный, но пресный чай, в то время как его сердце безраздельно принадлежит старому крепкому вину, — холодно произнесла принцесса Мёки, забирая свиток обратно. Она задумчиво коснулась пальцами изящных иероглифов. — Скрыв за словами о водянистом чае намёк на собственное бесстрашие, он прямо заявляет, что его чувства ко мне холодны и безучастны.

— Что за неслыханная дерзость! — вспыхнула Байфэн, сжав кулаки. — Этот Абэ-но Сэймэй возомнил о себе невесть что! Всего лишь жалкий местный колдун... Сам великий император Великой Тан выказывает нашей принцессе глубочайшее почтение, с какой стати мы должны терпеть пренебрежение от мелкого японского чиновника? Вот пойду сейчас на улицу Цутимикадо, свяжу этого наглеца и притащу сюда! Посмотрела бы я, как их император Мураками посмеет хоть слово сказать против!

С этими словами она круто развернулась, собираясь покинуть сад.

— Стой, Байфэн, — остановила её Мёки, покачав головой. — Тебе не одолеть Сэймэя в открытом противостоянии. К тому же мне вовсе не улыбается мысль использовать титул сестры великого императора, дабы принуждать кого-то силой. Я сама разберусь с ним.

— И каков же ваш замысел, госпожа? — вкрадчиво поинтересовалась Цинлуань.

— Никакого тайного умысла, просто женское любопытство, — принцесса загадочно улыбнулась. — Мне безумно хочется взглянуть на того человека, которого Сэймэй считает

своим бесценным старым вином. На его единственного и верного друга.

— Понимаю, — с полуулыбкой кивнула Цинлуань. — Позвольте мне немедленно отправить гонца к господину Минамото-но Хиромасе с приглашением явиться во дворец.

Поклонившись, служанка бесшумно удалилась.

— Ну же, Байфэн, прекрати дуться, — Мёки ласково взглянула на оставшуюся служанку. — Ступай принеси цитру. Подготовь всё в павильоне Пришествия Феникса. Мне хочется сыграть что-нибудь, дабы успокоить мысли.

Принцесса плавно поднялась и неторопливой, грациозной походкой направилась к павильону.

— Слушаюсь, госпожа. Я мигом настрою инструмент и подготовлю столик, — отозвалась Байфэн.

— И не забудь разжечь благовония в нефритовой курильнице, — не оборачиваясь, добавила Мёки.

— Будет исполнено, — поклонилась Байфэн, но перед тем как уйти, бросила яростный взгляд на зажатое в руке принцессы письмо Сэймэя.

В главном покое поместья принца Кэммэя царила чинная, удушливо-семейная атмосфера. Принцесса Фудзивара, мать Хиромасы, восседала на циновках со всей подобающей её высокому происхождению строгостью, ведя неспешную родственную беседу со своим братом, Фудзивара Нагакадзу.

Сам же Хиромаса сидел поодаль. Ему было невыносимо скучно; он смотрел отсутствующим взглядом, а мысли давно витали где-то очень далеко от этих стен.

— Послушай, сестра, а ведь Хиромасе уже немало лет, — с мягкой усмешкой заметил Фудзивара Нагакадзу. — Почему он до сих пор не обзавелся супругой? С твоим-то знатным именем и положением лучшие невесты столицы, знатные княжны и дочери высокопоставленных сановников, должны в очередь выстраиваться, мечтая войти в дом Минамото!

— Ах, брат, не сыпь мне соль на рану, — со вздохом отозвалась принцесса Фудзивара. — Этот мальчишка лишил меня сна и покоя. В столице над ним уже в открытую посмеиваются, прозвали «вечно отвергнутым господином Тюдзё». Стоит ему завидеть приличную девицу, как он тут же теряет дар речи, бледнеет, краснеет и начинает творить глупости. Да какая благородная дама станет отправлять ему стихи? Даже если и отправит — этот увалень в них

ничегошеньки не поймет! Вечно пропадает где-то целыми днями, а чем занят — один только Будда ведает.

Хиромаса угрюмо опустил голову, разглядывая узор на татами, и не проронил ни слова.

— До меня доходили слухи от Нар-химэ, что наш дорогой племянник сошелся с каким-то сомнительным прорицателем, — прищурился Нагакадзу.

— Ты про Абэ-но Сэймэя? — вяло уточнила принцесса Фудзивара. — Да, есть такое. Хиромаса так и норовит сбежать на эту его окраину, в Цутимикадо.

— Вот именно этот Сэймэй! — оживился Нагакадзу, подавшись вперед. — Говорят, его матерью была дикая лисица-оборотень из лесов Синода! Да от него самого за версту разит нечистью и лисьими чарами. Сестра, как ты можешь позволять сыну якшаться с подобным отродьем?

— Ну, мне доводилось видеть господина Сэймэя, — нерешительно произнесла принцесса Фудзивара. — На вид вполне благопристойный молодой человек, никакой бесовщины я в нем не заметила. К тому же сам император Мураками весьма благоволит ему. Нашему Хиромасе не так-то просто найти близкую душу, они прекрасно ладят, так что я решила не вмешиваться.

— Сестра, помилуй! Нар-химэ уверяет, что этот колдун смазлив пуще любой столичной красавицы. Тебе не кажется, что он просто околдовал нашего простодушного Хиромасу своими лисьими уловками?

— Хм... — принцесса задумчиво взглянула на сына. — Теперь, когда ты об этом заговорил... Сэймэй и впрямь на редкость красив. Хиромаса, неужели ты проводишь у него столько времени только из-за его внешности?

— Матушка! — вскипел Хиромаса, вскинув голову. Он покраснел от возмущения. — Прошу вас, не слушайте небылицы, которые сочиняет кузина Нар-химэ! Она затаила злобу на Сэймэя за то, что тот не ответил ей взаимностью, вот и чернит его честное имя перед каждым встречным! Сэймэй не раз спасал мне жизнь, он буквально вырвал меня из лап смерти! И подумайте сами: сейчас в столице каждый знатный вельможа трясется от страха, боясь навлечь на себя чужое проклятие. То, что сильнейший онмёджи Хэйан-кё — мой близкий друг, разве это не лучшая защита для нашего рода Минамото и вашей семьи Фудзивара?

— Хм, а ведь в этом есть доля истины, — удивленно приподняла брови принцесса Фудзивара, переглянувшись с братом. — Кто смеет называть нашего мальчика глупцом? Он рассуждает на редкость разумно. И всё же, Хиромаса, поведай мне: из-за чего повздорили Нар-химэ и Абэ-но Сэймэй?

— Всё из-за её уязвленного самолюбия, матушка, — вздохнул Хиромаса. — Кузина некогда отправила Сэймэю любовное стихотворение, признаваясь в своих чувствах. Его ответное послание показалось ей насмешливым и холодным. С тех пор она и пылает к нему лютой

ненавистью.

— Вот оно что! — принцесса понимающе усмехнулась. — А ты раньше помалкивал об этой истории.

— Сэймэй всегда учил меня: «Умалчивай о чужих грехах и превозноси чужие добродетели». Вот я и хранил эту тайну, — проворчал Хиромаса, сердито сопя. — Но раз уж кузина Нари-химэ бессовестно клеветает на него, у меня не осталось иного выбора, кроме как открыть вам глаза на правду!

— Сестра, этот малый определенно одурманил нашего мальчика! — недовольно поморщился Нагакадзу. — Наша Нари-химэ — благородная девица, она бы никогда не опустилась до подобного безрассудства. Этот твой Абэ-но Сэймэй — всего лишь мелкий чиновник пятого ранга, а вокруг моей дочери вьются достойнейшие мужи из высшего света, вхожие в личные покои государя!

— Коли не верите, дорогой дядя, извольте расспросить свою ненаглядную дочь лично! — в сердцах бросил Хиромаса и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Полно вам, довольно споров, — примиряюще произнесла принцесса Фудзивара, видя, что обстановка накаляется. — Оставим это. Лучше скажи мне, Хиромаса, зачем ты с самого утра умчался к Абэ-но Сэймэю? У тебя было к нему спешное дело?

— Принцесса Тан, госпожа Мёки, пригласила Сэймэя в свой временный дворец на чаепитие. Я лишь хотел узнать, как всё прошло, — охотно пояснил Хиромаса. — К тому же государь лично поручил охрану китайской гостьи нашему ведомству правой военной гвардии. Мне положено быть в курсе событий.

— Неужели? — принцесса Фудзивара проявила живой интерес. — Китайская принцесса сама позвала простого онмёджи на чай? О чем же они беседовали? Быть может, произошло что-то ещё?

— Ну... принцесса преподнесла ему роскошные дары, а еще они обменялись стихами. Точнее, Сэймэю вручили свиток с изысканными китайскими стихами — у них это зовется «люйши», — бесхитростно выдал Хиромаса.

— Ишь ты! — покачала головой принцесса Фудзивара, изящно прикрыв рот веером. — А этот твой Сэймэй, оказывается, весьма неглуп и обаятелен. Подумать только: если он сумеет снискать расположение принцессы Тан и станет зятем самого китайского императора, его положение вознесется до небес. Сам наш государь будет вынужден склонять перед ним голову! Что ж, Хиромаса... отныне я не стану препятствовать твоей дружбе с Сэймэем. Однако приглядывай за ними повнимательнее. Мне важно знать, к чему приведут эти встречи с китайской гостьей.

— Премного благодарен, матушка! — облегченно выдохнул Хиромаса. — Я как раз расспрашивал его об этом, но тут прибежал Тосихиро и доложил, что пожаловал дядя. Мне пришлось спешно вернуться домой, дабы выказать почтение.

— Вот как? Что ж, тогда ступай, не буду тебя задерживать, — милостиво улыбнулась принцесса. — Твой дядя — не чужой человек, мы прекрасно побеседуем наедине, вспоминая былые времена. Твое присутствие здесь более не требуется.

— Благодарю вас, матушка. Позвольте откланяться. Я, пожалуй, вернусь в свои покои и немного поиграю на флейте, — приподнялся Хиромаса.

— Глупый мальчишка! Какой еще флейты среди бела дня? — притворно рассердилась принцесса Фудзивара, нахмурив брови. — Марш обратно на улицу Цутимикадо к своему драгоценному другу! Расспроси его как следует обо всем, что касается принцессы Мёки. Это сейчас куда важнее!

— Будет исполнено, матушка! — с готовностью закивал Хиромаса. — Тогда я немедленно отправляюсь к Сэймэю. Если понадобится — пошлите за мной Тосихиро.

— Ступай уже, болтун! — шутливо отмахнулась веером принцесса.

Хиромаса сохранял на лице маску чинной покорности, хотя в душе его все ликовало от восторга. Поклонившись на прощание, он спокойно покинул залу. Но стоило ему переступить порог поместья и оказаться вне поля зрения родственников, как он сорвался с места и во весь опор припустил в сторону ворот, уносясь навстречу вожаемой свободе — на улицу Цутимикадо...

— Сэймэй! Сэймэй! — звенящий голос Хиромасы ворвался во двор усадьбы за мгновение до того, как сам он вихрем влетел внутрь.

— Тсс! — к нему навстречу выпорхнула улыбающаяся Мицумуши, прижав изящный пальчик к губам. — Господин только-только прилег отдохнуть на галерее. Пожалуйста, потише, господин Хиромаса, не будите его.

— Эх, вечно он дрыхнет... А я ведь едва вырвался от этих несносных родственников! — проворчал Хиромаса, впрочем, заметно убавив громкость.

Он тихонько прокрался к галерее и без лишних церемоний повалился на циновки прямо рядом с развалившимся Сэймэем.

— Надо же... назвать принцессу Фудзивара и многоуважаемого господина Нагакадзу

«несносными родственниками». Услышь они твои речи, мой милый Хиромаса, тебе бы точно грозило домашнее заточение луны эдак на три, — негромко рассмеялся Сэймэй, распахнув хитрые лисьи глаза и лукаво усмехнувшись.

— Так ты не спал?! — возмутился Хиромаса, подпрыгнув на месте. — Опять твои шуточки! А я-то, между прочим, рисковал головой, придумывая повод, чтобы сбежать к тебе!

— О боги... Неужели в твоём тихом поместье завелись злые духи, раз благородному воину приходится спасаться бегством? — Сэймэй продолжал поддразнивать его, подперев щеку ладонью.

— Да ну тебя, Сэймэй! Ты невыносим! — насупился Хиромаса. — Я, вообще-то, только что защищал твою честь перед собственным дядей, мы чуть не поссорились из-за тебя!

— Из-за меня? — Сэймэй медленно принял сидячее положение, и в его взгляде промелькнул неподдельный интерес.

— Ну да! Нар-химэ наговорила им кучу гадостей. Будто от тебя за версту разит лисьей скверной, а я, несчастный, околдован твоими чарами и совсем лишился рассудка. Она пыталась настроить против тебя матушку, чтобы та запретила мне порог твоего дома переступить! Мне пришлось приложить немало усилий, дабы переубедить её. А ты еще смеешься надо мной и желаешь мне заточения! Сэймэй, неужели я тебе настолько безразличен? — выпалил Хиромаса на одном дыхании, скрестив руки на груди.

— Полно тебе, Хиромаса. Ты же знаешь, я просто подшучивал, — Сэймэй примирительно улыбнулся и ласково потянул друга за широкий шелковый рукав. — Не дуйся.

— Тебе лишь бы забавляться за мой счет. Это ужасно раздражает, — пробурчал Хиромаса, хотя гнев его уже улетучивался под этим мягким натиском.

— Ну будет тебе обижаться, словно капризное дитя. Лучше поведай: каким же чудом тебе удалось смягчить сердце непреклонной принцессы Фудзивары? — с любопытством спросил Сэймэй.

— Я просто рассказал матушке правду о том неловком стихотворении, которое Нар-химэ когда-то прислала тебе, — ухмыльнулся Хиромаса.

— Для благородной девицы её круга тайное послание безродному онмёджи — несмыываемый позор, если об этом прознает свет. Боюсь, теперь её ждет суровое наказание от отца, — вздохнул Сэймэй, качнув головой. — Стоило ли ворошить старое, Хиромаса?

— И поделом ей! — твердо отрезал Хиромаса. — Я не позволю никому порочить твоё имя, Сэймэй! Она замышляла зло против моего друга, так что сама куёт своё несчастье. Я ни на миг

не раскаиваюсь.

Сэймэй лишь тихо выдохнул, глядя на упрямого воина с теплой, едва уловимой нежностью.

Хиромаса выпрямился и уставился прямо на него.

— Что ты так смотришь на меня? — Сэймэй слегка приподнял бровь.

— Знаешь... ты и впрямь удивительно красив, Сэймэй. Но в этой красоте нет никакой бесовщины или злых чар. Она чиста, — искренне произнес Хиромаса.

Сэймэй на миг лишился дара речи, его лицо выражало крайнее замешательство вперемешку с улыбкой.

— Хиромаса... ты... — Сэймэй приложил ладонь ко лбу. — Это ты меня сейчас похвалил? О великие боги, ну что за несносный человек! Вечно ты ляпнешь что-нибудь невпопад. С каких это пор благородных мужей называют «красивыми»? Мужчине не пристало давать подобные оценки, глупец.

— А что в этом такого? — искренне удивился Хиромаса, ничуть не смутившись. — В народе то и дело говорят об изящном облике или благородной стати великих воинов и поэтов. Почему мне нельзя назвать тебя красивым, если это правда?

— Ох, ты уморишь меня когда-нибудь своими речами... — покачал головой Сэймэй. — Мицумуши! Принеси-ка нам вина, мне срочно нужно успокоить душу после откровений этого безумца.

— И мне плесни чарочку, Мицумуши! — весело подхватил Хиромаса, широко улыбаясь. — У меня сегодня на редкость прекрасное расположение духа!

Сэймэй шутливо метнул в него сердитый взгляд и снова откинулся на деревянную колонну галереи. Хиромаса лишь добродушно посмеивался, довольный собой.

Когда Мицумуши поднесла им прохладное сакэ, они молча приняли чаши. Во дворике воцарилась уютная, мирная тишина, нарушаемая лишь шелестом травы и тихим стуком пиал о деревянный настил.

— Хозяин, — негромко проговорила Мицумуши, внезапно прислушиваясь к чему-то невидимому. — Сикигами с моста Модорибаси передает, что у наших ворот остановился роскошный экипаж принцессы Тан.

— Неужели принцесса Мёки снова желает видеть тебя, Сэймэй? — удивленно спросил

Хиромаса, отставляя чашу.

— Странно... — задумчиво протянул Сэймэй, прищулив глаза. — В своем утреннем стихотворении я выразился более чем определенно. Что еще ей от меня надобно?

— Находится ли здесь Господин Тюдзё? — раздался снаружи чинный женский голос.

— Позвольте спросить, кто вы и откуда? — вежливо отозвалась Мицумуши, выходя навстречу гостю.

— Я придворная дама из императорского дворца, — ответила женщина, облаченная в строгие, изысканные шелка. — Прибыла по поручению принцессы Великой Тан. Её Высочество просит господина Минамото безотлагательно прибыть в её временный дворец. У нее возникло важное дело к господину Тюдзё.

— А, я здесь! — поспешно поднялся на ноги Хиромаса, оправляя полы одежды. — Передайте, что я немедленно явлюсь на зов Её Высочества.

— Прошу вас, следуйте за мной, господин Тюдзё, — поклонилась придворная дама.

Хиромаса поспешил вслед за провожатой, но у самых ворот не удержался и обернулся, бросив на прощание быстрый взгляд на друга.

Сэймэй сидел неподвижно, провожая его долгим взором, в котором явственно читалось глубокое сомнение.

Во временном дворце принцессы Тан воздух был пропитан сладким, дурманящим ароматом редких благовоний. Мёки восседала на возвышении в павильоне Пришествия Феникса, изящно склонившись над старинной семиструнной цитрой. Из-под её тонких, белых пальцев лилась музыка — глубокая, тягучая, уносящаяся под самые своды павильона и тающая в саду.

— Игра вашей светлости истинно божественна, — тихо прошептала Цинлуань, благоговейно замерев неподалеку. — Стоит услышать эти звуки, как вся суэта бренного мира рассеивается, точно утренний туман.

Принцесса Мёки лишь загадочно улынулась. Её пальцы продолжали скользить по шелковым струнам, извлекать чистейшие, хрустальные созвучия.

— Бьюсь об заклад, госпожа взялась за инструмент лишь из-за этого наглеца Сэймэя! — недовольно буркнула Байфэн, подкладывая угли в курильницу. — Вы ведь почти никогда не

играете, разве что когда на душе у вас беспокойно.

— Эта древняя мелодия зовется «Очищением сердца и просветления природы», — не прерывая игры, мягко промолвила Мёки. Её голос звучал в такт струнам. — Она строга и чиста, её назначение — умирять бури в мыслях. Я играю её не оттого, что разгневана или печальна, Байфэн. Но оттого, что в моей душе зародилось небывалое смятение. Понимаешь ли ты разницу?

— Госпожа принцесса, — почтительно прервала её служанка, бесшумно ступив на циновки павильона. — Прибыл Минамото третьего ранга, господин Минамото-но Хиромаса. Он ожидает вашего позволения войти.

— Проси его сюда, — Мёки даже не взглянула на служанку, сосредоточив все внимание на последних пассажах мелодии.

— Слушаюсь, — девица поклонилась и растаяла в полумраке.

Вскоре по деревянному настилу раздались шаги Хиромасы. Войдя в павильон Пришествия Феникса, он замер на месте, затаив дыхание: музыка Мёки как раз приближалась к своей величественной, хрустальной кульминации.

«Истинно небесная песнь... разве дано смертным ушам внимать подобному великолепию на этой грешной земле?»

Он обладал тончайшим музыкальным слухом, мгновенно проникся глубиной исполняемой пьесы и застыл соляным столпом, боясь шевельнуться и разрушить очарование мгновения.

Последний аккорд дрожащим эхом растаял под сводами беседки. Мёки плавно опустила ладони на затихшие струны и с мягкой, снисходительной улыбкой обратила взор на гостя.

Но Хиромаса так и стоял с приоткрытым ртом, увязнув в пучине собственных грез, совершенно позабыв о придворном этикете и необходимости поклониться царственной особе.

— Господин Хиромаса... — негромко позвала его принцесса.

Но тот лишь глупо улыбался, витая мыслями в заоблачных высях, и не расслышал её нежного голоса.

— Эй! — не выдержала Байфэн, топнув ногой от негодования. — Неужели все варвары Фусо столь неотесанны? Предстал пред светлые очи принцессы Великой Тан, а сам мало того что не бьет челом, так еще и стоит, разинув рот, игнорируя вопросы госпожи! Что за дикие манеры!

— Ах!.. Прошу простить мою дерзость! — Хиромаса вздрогнул, мгновенно очнувшись от наваждения. Краска стыда залила его лицо до самых ушей. Он поспешно склонился в глубоком, почтительном поклоне. — Минамото-но Хиромаса приветствует великую принцессу Мёки.

— Оставьте церемонии, Господин Хиромаса, не стоит смущаться, — благосклонно промолвила принцесса Мёки, сделав изящный жест рукой. — Я пригласила вас сегодня ради одного важного дела.

— Готов внимать любым повелениям Её Высочества, — покорно отозвался Хиромаса, не смея поднять глаз.

Тем временем Цинлуань бесшумно поднесла ему пиалу со свежесваренным чаем.

— Отведайте нашего дорожного чая, господин Хиромаса, — принцесса приподняла чашку, приветствуя его легким кивком.

Хиромаса принял пиалу обеими руками и осторожно сделал глоток. Горячая влага обожгла губы, раскрыв на языке невероятный букет вкусов.

«Какое блаженство... Невероятно тонкий аромат, и при этом — ни капли горечи, лишь чистая, родниковая сладость!»

Мёки мягко посмотрела на него и заговорила певучим, усыпляющим бдительность тоном:

— Я гощу в вашей прекрасной столице уже порядочно времени. На днях мне удалось получить весточку от дальних родственников со стороны моей покойной матушки. В скором времени я намерена нанести им визит почтения. Позвольте спросить, господин Тюдзё, не доставит ли эта поездка хлопот вашей гвардии?

— О, это прекрасное намерение! — преданно отозвался Хиромаса. — Вам совершенно не о чем беспокоиться, принцесса. Я лично возглавлю отряд отборных самураев правой гвардии и обеспечу вашу полную безопасность в пути.

— Премного благодарна за ваше рвение, Господин Тюдзё, — улыбнулась Мёки. — Прошу вас, не откладывайте приготовления. Мое пребывание в вашей стране подходит к концу, и времени у нас осталось совсем немного.

— Будьте покойны, госпожа. Я незамедлительно займусь этим вопросом, как только вернусь в казармы, — пообещал Хиромаса.

— Вы столь великодушны, господин Хиромаса. Обременять вас подобными заботами в разгар службы — истинный грех с моей стороны, — вздохнула принцесса, кокетливо опустив ресницы.

— Для меня величайшая честь служить вам, принцесса, — искренне поклонился простодушный воин.

В этот момент в павильон торопливо вбежала одна из приехавших с принцессой служанок. Лицо её было взволнованным.

— Ваше Высочество! Из Чанъаня прибыл гонец! Доставлен священный указ от Его Величества, государя Великой Тан!

— Зачитывай здесь, — небрежно бросила Мёки, лениво потянувшись к своей чашке и делая маленький глоток.

— Прямо здесь?! — так и обомлела служанка. — Но помилуйте, госпожа! Мы ведь не подготовили алтарь, не воскурили подобающие благовония... Нам надлежит проследовать в главный тронный зал временного дворца, дабы припасть ниц пред регалиями Его Величества!

— Ах, какая скука... — досадливо поморщилась Мёки, картинно вздохнув. — Вечно эти церемонии. Ладно, вели готовить Зал Приветствия Феникса. Пусть установят курильницы и расстелют ковры для поклона императорским регалиям. Я приму указ там.

— Раз у вас возникли столь важные государственные дела, я поспешу откланяться, дабы не мешать, — вежливо произнес Хиромаса, поднимаясь на ноги.

— Ступайте с миром, Господин Хиромаса, — благосклонно кивнула Мёки, одарив его прощальной улыбкой.

Хиромаса развернулся и зашагал к выходу из павильона. Однако, не успев отойти достаточно далеко, он невольно расслышал доносившиеся ему в спину приглушенные голоса принцессы и её приближенных.

— Госпожа, о чем этот новый указ нашего государя? — нетерпеливо спросила Байфэн.

— Мне шепнули, что Его Величество жалует нашей принцессе великий титул Защитницы Государства, — негромко пояснила Цинлуань.

— Хм, этот мальчишка изнывает от безделья в своем дворце, — послышался ленивый, насмешливый вздох Мёки. — На словах он превозносит меня до небес, величая Защитницей Тан, а на деле просто пытается поскорее вернуть меня назад в Чанъань под благовидным предлогом.

— Но... госпожа... — робко подала голос Байфэн. — Ведь наше главное дело в этих землях еще далеко от завершения.

— Знаю, — Мёки тихонько рассмеялась, и в её смехе послышались зловещие нотки. — Не беспокойся, я покончу с этим в самое ближайшее время.

Голоса постепенно затихли, а силуэты женщин скрылись в глубине садовых галерей.

Хиромаса перевел дух и шумно выдохнул, чувствуя, как с плеч свалилась тяжелая гора. Стоило ему покинуть ворота временного дворца, как ноги сами собой припустили по направлению к улице Цутимикадо. Сумерки стремительно сгущались над Хэйан-кё, укутывая город прохладой, но разгоряченный Хиромаса бежал так быстро, словно за ним гнались все демоны преисподней.

— Сэймэй! Сэймэй! — тяжело дыша, Хиромаса буквально ворвался в заросший дикими травами двор усадьбы.

— О боги, Хиромаса... Неужели у тебя штаны загорелись? Ну к чему каждый раз поднимать такую бурю? — лениво донеслось с галереи.

Сэймэй все так же полулежал, небрежно прислонившись спиной к деревянному столбу. В его бледных пальцах покачивалась изящная пиала, наполненная прозрачным вином.

— Сэймэй! Тебе бы только зубы заговаривать! — Хиромаса без лишних слов плюхнулся рядом, бесцеремонно схватил глиняный кувшин, плеснул себе полную чашу сакэ и осушил её одним махом.

Сэймэй промолчал, лишь с тихой улыбкой пригубил вино, наслаждаясь вечерней прохладой.

— Сэймэй! — не выдержал Хиромаса.

— М-м? — отозвался тот, прикрыв глаза.

— Тебе что, совсем не интересно, зачем меня вызывала принцесса Мёки? — обиженно надулся воин.

— Отчего же? Если у тебя есть желание поведать об этом — я внимаю. А коли нет — не смею неволить, — лениво протянул Сэймэй.

— Твое равнодушие порой просто сводит меня с ума! — в сердцах воскликнул Хиромаса. — Ладно, слушай: принцесса Мёки вознамерилась навестить своих японских родственников! И мне поручено лично возглавить отряд охраны для этого путешествия!

— О, чудесно, — Сэймэй лукаво прищурился. — Стало быть, нашему доблестному воину представится прекрасный случай услаждать слух прекрасной девы своей игрой на флейте от заката до рассвета. Рад за тебя, мой друг.

— Примите и мои искренние поздравления, господин Хиромаса, — бесшумно соткавшаяся из сумерек Мицумуши с улыбкой подлила ему вина.

— Да ну вас! Прекратите ваши издевки! — густо покраснел Хиромаса, чувствуя, как жар заливает щеки. — Я вовсе не о том думаю!

— Жаль, что меня мало привлекает участь зятя великого императора Тан, — притворно вздохнул Сэймэй. — Но тебе, Хиромаса, определенно стоит приложить усилия. Иначе заморская принцесса упорхнет обратно за море, словно диковинная бабочка, и поминай как звали.

— Сэймэй! Хватит шутить! — Хиромаса внезапно посерьезнел и заговорщически понизил голос. — На самом деле, мне удалось подслушать кое-что весьма любопытное...

— М-м? — Сэймэй продолжал лениво цедить сакэ, демонстрируя полнейшую безучастность к дворцовым тайнам.

— Тьфу на тебя! — обиделся Хиромаса и с досадой осушил свою чашу.

— Мицумуши, не томи гостя, налей нашему герою еще вина, — тихо рассмеялся Сэймэй.

— Сэймэй, я говорю о принцессе Мёки! Слушай внимательно, это действительно важно! — настойчиво проговорил Хиромаса, ухватив друга за рукав.

— Говори-говори, мои уши открыты для твоих речей, — благодушно кивнул тот.

— Так вот! — Хиромаса подался ближе. — Сегодня во дворец прибыл спешный гонец из Китая. Император Тан прислал указ, коим жалует принцессе титул Защитницы Государства. Но на самом деле это лишь предлог, дабы поскорее вернуть её на родину! И представь себе: служанки шептались, что их «главное дело» в столице Хэйан-кё еще не завершено. Ума не приложу, о чем речь... Возможно, как раз об этой самой поездке к родственникам. Так что мне предстоит немало хлопот.

— Некое «незавершенное дело»?.. — на этот раз Сэймэй не улыбнулся. Он слегка нахмурился, и его взгляд на мгновение стал жестким и сосредоточенным.

— Вот именно! Так и сказали. А еще... — Хиромаса огляделся по сторонам и прошептал Сэймэю прямо на ухо: — Угадай, как принцесса величает своего державного брата, владыку Великой Тан?

— Должно быть, просто «этот мальчишка»? — безмятежно улыбнулся Сэймэй.

— Что?! — Хиромаса отшатнулся в полном изумлении. — Откуда ты-то знаешь?!

— Она не раз называла его так в моем присутствии, когда мы пили чай, — пожал плечами Сэймэй.

— А мне пришлось подслушивать... — уныло вздохнул воин.

— И всё же, Сэймэй... Знаешь, порой мне кажется, что вы с принцессой Мёки неуловимо похожи. Ты ведь тоже вечно величаешь нашего микадо не иначе как «тот мужчина», — негромко пробормотал Хиромаса.

Сэймэй ничего не ответил. Он молча пригубил вино, устремив задумчивый взор куда-то сквозь сгущающуюся ночную тьму.

— Сэймэй, а завари мне того превосходного чая, что прислала тебе принцесса! Поверь, это истинный нектар богов, ничего лучше я в жизни не пробовал, — по-детски восторженно попросил Хиромаса.

— Раз тебе так угодно... — негромко отозвался Сэймэй. — Мицумуши, принеси чайные дары принцессы Мёки.

— Слушаюсь, хозяин, — кивнула сикигами и поспешила вглубь дома, вскоре вернувшись с изящным лаковым ларцом.

— Сэймэй, — позвал Хиромаса.

— Да? — лениво отозвался тот.

— Неужели этот чай тебе совсем не по вкусу? Не понимаю, как можно остаться равнодушным к такому совершенству, — искренне недоумевал воин.

— Что ж... Верно, я просто не умею ценить подобные вещи, — Сэймэй мягко, едва заметно улыбнулся.

— Вот оно что... Жаль, — сочувственно закивал Хиромаса.

«Эта принцесса Мёки... она затеяла куда более опасную игру, нежели кажется на первый взгляд»

Сэймэй посмотрел на доверчивое лицо друга, и в глубине его души родилась тихая, тяжелая тревога.

По саду пронесся порыв прохладного ночного ветра, унося прочь последние следы дневного зноя и заставляя листья дикого бамбука согласно шелестеть во тьме...

<http://bllate.org/book/20464/2131985>